

**ДИНАМИКА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ И ЕЕ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ МОДЕЛЕЙ ВТОРИЧНЫХ ДИМИНУТИВОВ)**

В статье на примере исторического развития моделей вторичной диминутивной деривации развивается положение о том, что динамика структурно-семантических образцов словообразования дает ценные сведения о развитии как языка, так и мышления. Изменения могут касаться каждого из компонентов структурно-семантической модели словопроизводства: мотивирующей базы данной группы производных слов, словообразовательных средств, участвующих в их образовании, словообразовательного значения результирующих единиц словопроизводственного процесса. В работе рассматривается историческая динамика на уровне каждого из названных компонентов в моделях образования вторичных диминутивов, дается когнитивная интерпретация наблюдаемых структурно-семантических изменений.

Ключевые слова: словообразование, коммуникация, когнитивия, диминутивы, модель словопроизводства, историческая динамика.

Центральным компонентом структурно-семантической модели производного слова является словообразовательное значение (СЗ). Конструирование этого значения, выявление тенденций его динамики становится основой построения коммуникативно-когнитивных моделей, определяющих изменения правил словообразования. Другие компоненты структурно-семантического образца – характер мотивирующей базы и характер словообразовательных средств – играют хотя и вспомогательную, но важную роль в моделировании коммуникативно-когнитивной динамики, поскольку именно эти составляющие структурно-семантической модели являются непосредственно наблюдаемыми феноменами, служат объективными показателями семантических изменений правил словообразования.

Моделируя характер исторической динамики СЗ диминутивов 2-й степени, на наш взгляд, необходимо исходить из того, что носителем деривационной семантики является не суффикс, не дериват, а структурная схема, образец построения одномоделных дериватов. СЗ вторичных диминутивов, таким образом, должно быть охарактеризовано как регулярная системная семантическая функция словообразовательной модели, реализуемая как компонент лексического значения производного слова (о методике определения СЗ как системной семантической функции словообразовательной модели см. [1]).

Динамика мотивирующей базы вторичных диминутивов

В древнерусский период дериваты, структурно подобные диминутивам второй степени (в СлРЯ XI–XVII вв. [2] зафиксировано всего 4 такие лексемы), мотивированы производными, занимающими промежуточное положение между предметно-характеризующей (лексической) деривацией и модификацией: дѣвѣка, коробѣка,

* © Крючкова О.Ю., 2016

Крючкова Ольга Юрьевна (vpks@rambler.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

жеребѣць, стѣльпѣць. Названные производные, выступившие словопроизводственной базой для дериватов 2-й степени дѣвочѣька, коробочѣька, жеребѣчикѣь, столпѣчикѣь, могут быть охарактеризованы как «условные» диминутивы. Они либо служат для обозначения другого (хотя и подобного) денотата в сравнении с тем, который обозначен непроизводным именем (ср.: жеребѣь ‘конь’ – жеребѣць ‘жеребенок’; дѣва ‘взрослая девушка’ – дѣвѣька ‘маленькая девочка’), либо являются лексикализованными словами, отличаясь от своих производящих не только значением уменьшительности, но и рядом других, неуменьшительных, значений (коробѣька, стѣльпѣць).

В памятниках XV–XVII вв. уже отмечается большое количество (более 200) имен существительных с нанизыванием диминутивных суффиксов, среди которых много вторичных производных, структурно и семантически мотивированных собственно диминутивами, отличающимися от своих производящих именно уменьшительно-оценочными значениями: коврига – коврижка – коврижечка, яма – ямка – ямочка, шуба – шубка – шубочка, кувшинѣь – кувшинець – кувшинчикѣь, чуланѣь – чуланецѣь – чуланчикѣь, берегѣь – бережокѣь/бережьць – бережочекѣь, снегѣь – снежокѣь – снежочекѣь и под. Словопроизводственная база вторичной диминутивной деривации в этот период расширяется также за счет первичных диминутивов с абстрактным значением: работа – работка – работочка, сила – силка – силочка, смерть – смертка – смерточка, слово – словцо – словечушко, шумѣь – шумокѣь – шумочекѣь.

На протяжении XVIII–XX вв. мотивирующая база вторичной диминутивной деривации продолжает развиваться в том же направлении. Так же как и в старорусском языке, более половины из всех лексикографированных суффиксально удвоенных диминутивов образовано на базе первичных диминутивов с «живым» диминутивным значением. Преобладание собственно диминутивов в составе производящей базы вторичных диминутивов отмечается во всех лексико-семантических группах производящих имен – в группах конкретно-предметных, лично-одушевленных и абстрактных имен существительных.

Начиная с XVIII в. получает развитие новая тенденция: диминутивы с суффиксальным удвоением начинают все более активно производиться на базе так называемых стилистических модификатов, т. е. на базе производных существительных, утративших уменьшительно-оценочное значение или вовсе не имевших его, но отличающихся от своих производящих стилистической сниженностью. Речь идет о таких базовых для суффиксально удвоенных диминутивов существительных, как *верхушка* (< *верх*), *печенка* (< *печень*), *печка* (< *печь*), *тесемка* (< *тесьма*), *щебенка* (< *щебенъ*) и под. Будучи генетически родственными собственно диминутивному словопроизводству (в одних случаях образование стилистических модификатов – реальный диахронический процесс, следствие десемантизации уменьшительно-оценочного значения при сохранении стилистической маркированности, в других – возникший на этой основе самостоятельный тип деривации), стилистические модификаты органично включаются в словопроизводственную базу моделей диминутивной редупликации.

Динамика словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации

Направлениям развития мотивирующей базы вторичной диминутивной деривации соответствует и динамика словообразующих средств.

В древнерусский период функционируют 2 структурные модели образования вторичных диминутивов: *-ѣк + -ѣк* (дѣва – дѣвѣька – дѣвочѣька) и *-ѣц + -ѣц* (стѣльпѣь – стѣльпѣць – стѣльпѣчикѣь). Суффиксы 1-й степени производности, представленные в данных моделях, принадлежали к числу древнейших суффиксов диминутивного словообразования, обнаруживали склонность к десемантизации, что и становилось фактором их наращивания путем полного или синонимического удвоения.

В старорусский период в позиции первичных отмечаются не только высокопродуктивные диминутивные аффиксы, расположенные к десемантизации, но и мало-

продуктивные, нередко сложные по происхождению форманты, например, *-онк* (рубашонка – рубашоночка), *-урк* (бочурка – бочурочка), *-ишк* (судышка – судышечка, селишко – селишечко), *-ушк* (избушка – избушечка), *-ейк* (шубейка – шубеечка). Формантами второго деривационного шага при образовании вторичных диминутивов также могут выступать протяженные аффиксы с устойчивым экспрессивно-оценочным значением, ср.: коробья – коробейка – коробейченко, ларь – ларець – ларчишко, слово – словцо – словечушко, сестра – сестрица – сестриченька.

Динамические процессы в области словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации, свидетельствуют о все возрастающей потребности в надежных, специализированных, не склонных к десемантизации средствах выражения диминутивно-оценочных значений.

Динамика СЗ вторичных диминутивов

Изменения в области мотивирующей базы и словообразовательных средств вторичной диминутивной деривации отражают динамику СЗ обсуждаемых деривационных моделей.

В древнерусский период фактором второго деривационного шага была десемантизация собственно уменьшительного значения у дериватов 1-й степени и развивающаяся на этой основе их лексикализация. В этих условиях повтор уменьшительного словообразовательного значения, являясь средством актуализации, возобновления утраченного или затемненного диминутивного значения, приводил к образованию производных с отчетливо выраженным значением реальной уменьшительности.

Характер мотивирующей базы и особенности словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации в период XV–XVII вв., указывают на семантическую переориентацию суффиксального диминутивного удвоения в старорусском языке. Суффиксально усложненные диминутивы появляются теперь не только для обновления стершегося уменьшительного значения, но и для усиления и дальнейшего коннотативного обогащения диминутивной семантики. Ср. лексико-семантическое согласование при употреблении диминутивов 2-й степени в памятниках старорусского периода (примеры приводятся по [2]): *Въземше оба сѣи шел плачучи глѣ о бже бѣда мнѣ и вам снѣчковѣ милья ибо матка ваша дана иному мужу. Р. Д., XVII в. Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой, коврижечку, и тебѣ бы, батька мой, кушать на здоровье. Переп. Хован., 1678 г. Денег у себя не сказала; на робенке кошюлченка заечья худа. Д. Холоп., 1621 г.*

Начиная с XVIII в. вторичные диминутивы устойчиво функционируют как производные с многозначным СЗ, образуемым уменьшительной, эмоционально-оценочной и стилистической семами. Это СЗ реализуется независимо от принадлежности мотивирующей лексемы к семантическому полю и независимо от характера семантической модели образования вторичного диминутива. Полисемантическое словообразовательное значение вторичных диминутивов может быть реализовано в речевом акте нерасчлененно, или же в соответствии с коммуникативным заданием через актуализаторы различного рода осуществляется доминирование той или иной семы, ср.:

Петух рассказывал, что просыпана целая горсть, а на самом деле оказалось, что всех зерен – только щепоточка. Максим. Крылат. слова (актуализация уменьшительного значения); *Так он и будет у меня знать, когда ему в сапогах щеголять, а когда в лапоточках!* Гл. Усп. Оч. прех. времени (актуализация уничижительного значения); *В избе было чисто, пахло вымытым полом, шалфеем, восковой свечечкой, зажженной в углу.* А. Толст. Хром. барин (актуализация ласкательного значения).

Применение в случаях необходимости операторов подчеркивания размерных или оценочных сем диктуется полифункциональностью диминутивов, а также главенством коммуникативно-стилистической функции, которая становится постоянной их функцией, в отличие от переменных – размерной и оценочной. Эту особенность функционирования диминутивных производных (как 1-й, так и 2-й степени) в современной русской речи отмечают многие исследователи, подчеркивая разные аспекты семанти-

чески опрошенного использования подобных образований. Ср. примеры употребления вторичных диминутивов как «форм разговорности»: *Можно, я холодненькой водички добавлю?* (из разг. речи); *Номерочек не подскажете?* (из разг. речи).

Усиление стилистической доминанты позволяет вовлекать в модели вторичной диминутивно-оценочной деривации более широкий круг отвлеченных имен существительных и существительных, связанных с производственной деятельностью человека, — основы, которые прежде значительно реже попадали в число производящих для данной типа словообразования. Так, например, среди новообразований последней четверти XX в. в Словарных материалах «Новое в русской лексике» [3] отмечены такие, как *хохоточек, юморочек, бормоточек, граммилечка*. Те же тенденции прослеживаются и при словопроизводстве диминутивов 1-й степени (ср.: *стилек, культурка, должностилка, фирмочка, зевотца, штурманок, технарник, леспромхозик, обьектик, нарядик*). Ср. также употребление диминутивных новообразований названных семантических групп в современных текстах НКРЯ [4]: «*Повестуха* называется «*Любовь*» и написана, как *выразились бы ее герои, «с юморочком»...* (Э. Радзинский. Наш Декамерон, 1980–1990); *Вот только дар слова сам собой покинул его. Гольй стиль, стилек. Пустые чистенькие абзацы* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени, 1996–1997); *Выполнять подряд взялась фирмочка, организованная бывшими милиционерами* (Д. Соколов-Митрич. Леша из Лавры // «Русский репортер», 2015); *Доклеить за полчаса эфира два минутных сюжета о культурке проще простого* (Е. Козырева. Дамская охота, 2001).

Таким образом, историческое развитие вторичной диминутивной деривации, как и всей диминутивной системы, представляет собой движение от собственно диминутивной к диминутивно-оценочной и далее, если учитывать иерархию признаков, к оценочно-диминутивной стилистически маркированной системе с усилением коммуникативно-стилистических функций, т. е. движение от словообразовательной подсистемы с преимущественно информативной функцией к подсистеме преимущественно прагматической.

Когнитивная интерпретация описанных динамических процессов

Динамика структурно-семантических моделей вторичной диминутивной деривации служит оязыковленным выражением меняющихся во времени коммуникативных потребностей, определяющих, в свою очередь, направленность когнитивной динамики, направленность мыслительных процессов в национально-культурном сообществе носителей языка (о главенстве коммуникативной детерминанты в развертывании словообразующего процесса и опосредованном (коммуникативной интенцией) характере когнитивной составляющей словообразовательной деривации см. [5]).

Структурно-семантические модели вторичной диминутивной деривации в их совокупности отвечают определенным коммуникативным установкам говорящих, реализуя, по Е.А. Земской [6, с. 8–12], номинативную, экспрессивную и стилистическую функции. Вторичные диминутивы образуются: а) для наименования предмета небольшого размера; б) как средства выражения экспрессивного, эмоционального отношения к предмету, лицу, явлению, ситуации; в) как средства сниженного (разговорного) регистра общения. Как показывает динамический анализ моделей вторичной диминутивной деривации, названные коммуникативные функции формируются (или, по крайней мере, усиливаются) в этой словопроизводственной сфере в приведенной здесь последовательности.

Названным коммуникативным интенциям соответствуют определенные когнитивные процессы (о когнитивных функциях разных типов словообразовательных моделей см. [7]). Действие словообразовательного механизма в области порождения диминутивов 2-й степени направлено на систематизацию разных аспектов человеческого опыта. Модели номинативной направленности (в рассматриваемом материале — модели с СЗ реальной уменьшительности) объективируют понятия, сформированные на основе непосредственного чувственного опыта, это, по Е.С. Кубряковой, словообразовательные структуры отражательного характера [8].

Производные моделей с экспрессивно-оценочным СЗ фиксируют результаты субъективной аксиологической деятельности познающего и оценивающего мир человека. Специфика экспрессивно-оценочного словопроизводства состоит в том, что в словообразовательном акте не вербализуется, как правило, новое понятие, а лишь характеризуется (субъективно оценивается) уже осмысленное и «сохраненное» в языке.

Производные стилистического словообразования также являются единицами, повторно репрезентирующими уже вербализованное понятие, однако в отличие от экспрессивно-оценочных дериватов производные с собственно стилистической функцией фиксируют не видоизменение субъективного знания об объекте, а когнитивную операцию выбора *формы предъявления знания*, соответствующей условиям общения.

Производные экспрессивно-оценочных и стилистических моделей, наделенные, как и любое слово, номинативной функцией, создаются, однако, не для реализации этой функции, а для речевой репрезентации субъективного отношения к реалиям действительности или обеспечения избираемой говорящими формы общения.

В истории моделей вторичной диминутивной деривации обнаруживается тесная связь процессов концептуализации *действительности* (объективных и субъективных знаний о мире) и процессов концептуализации *коммуникативного опыта* (знаний о формах общения). Концептуализация представлений о малом размере осуществляется носителями русского языка в теснейшей связи с субъективной аксиологической интерпретацией — как положительной, так и отрицательной, идея малого обогащается разнонаправленными смысловыми оттенками. Семантически сложный концепт, выражаемый системой моделей диминутивно-оценочного словопроизводства, функционально коррелирует со сниженным регистром общения. (Связь между содержанием концепта и характером его функционирования подчеркнута В.И. Карасиком: «Специфическая ориентация определенных концептов на ту или иную сферу общения выражается в том, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения» [9, с. 133]). Увеличение продуктивности вторичной диминутивно-оценочной деривации неразрывно связано с усилением позиций сниженного регистра в русском коммуникативном пространстве (см., напр., [10]), а результирующие единицы этого вида словопроизводства служат средством обеспечения данного регистра соответствующими ему языковыми средствами.

Библиографический список

1. Крючкова О.Ю. Историческая динамика словообразовательного значения деминутивных редупликатов // Язык и общество. Вып. 11. Саратов: Изд-во СГУ, 1997. С. 14–17.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы 1977–1988. М., 1980–1996.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 03.05.2016).
5. Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный синергетический процесс // Актуальные проблемы современного словообразования. Вып. 2. Кемерово, 2008. С. 21–31.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
7. Крючкова О.Ю. Соотношение функциональных и когнитивных типов словообразовательных моделей // Актуальные проблемы современного словообразования. Вып. 3. Кемерово: ИНТ, 2009. С. 220–225.
8. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Крючкова О.Ю. Функционально-стилистическая динамика русского языка как фактор словообразовательной эволюции // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов: Научная книга, 2005. С. 39–44.

References

1. Kryuchkova O.Yu. *Istoricheskaia dinamika slovoobrazovatel'nogo znachenii deminutivnykh reduplikatov* [Historical dynamics of word-formative meaning of diminutive reduplicants]. *Iazyk i obshchestvo. Vyp. 11* [Language and Society]. Issue 11. Saratov: Izd-vo SGU, 1997, pp. 14–17 [in Russian].
2. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–28* [Russian Language Dictionary of the XI–XVII cc. Issues 1–28]. M.: Nauka, 1975–2008 [in Russian].
3. *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1977–1988* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials of 1977–1988]. M., 1980–1996.
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National Russian Language Corpus]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 03.05.2016) [in Russian].
5. Golev N.D. *Slovoobrazovanie kak evoliutivnyi sinergeticheskii protsess* [Word-formation as an evolutive synergetic process]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniia. Vyp. 2* [Topical issues of modern word-formation studies. Issue 2]. Kemerovo, 2008, pp. 21–31 [in Russian].
6. Zemskaja E.A. *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'*. *Izd. 2-e* [Word-formation as an activity. 2nd edition]. M.: KomKniga, 2005, 224 p. [in Russian].
7. Kryuchkova O.Yu. *Sootnoshenie funktsional'nykh i kognitivnykh tipov slovoobrazovatel'nykh modelei* [Correlation between functional and cognitive types of word-formation models]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniia. Vyp. 3* [Topical issues of modern word-formation studies. Issue 3]. Kemerovo: INT, 2009, pp. 220–225 [in Russian].
8. Kubryakova E.S. *Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavliaiushchie* [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2006, Vol. 65, no. 2, pp. 3–13 [in Russian].
9. Karasik V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p. [in Russian].
10. Kryuchkova O.Yu. *Funktsional'no-stilisticheskaia dinamika russkogo iazyka kak faktor slovoobrazovatel'noi evoliutsii* [Functional and stylistic dynamics of the Russian language as a factor of word-formation evolution] in *Iazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and Society in Synchrony and Diachrony]. Saratov: Nauchnaia kniga, 2005, pp. 39–44 [in Russian].

*O. Yu. Kryuchkova**

**DYNAMICS OF STRUCTURAL AND SEMANTIC MODELS OF DERIVATIVES
AND ITS COMMUNICATIVE AND COGNITIVE BASIS (ON THE MATERIAL
OF SECONDARY DIMINUTIVES MODELS)**

The author proves, on the example of secondary diminutives derivation models historical development, the thesis that structural and semantic dynamics of word-formative patterns provides valuable information about the development of both language and thought. The changes can apply to each component of word-formation semantic and structural model: motivational base of a given group of derivatives, their word-formative means, word-formation meaning of the resulted word-formation units. The article deals with historical dynamics at the level of each of the mentioned components in secondary diminutives formation models. It also provides cognitive interpretation of the given structural and semantic changes.

Key words: word-formation, communication, cognition, diminutives, word-formation model, historical dynamics.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Kryuchkova Olga Yur'evna* (vpks@rambler.ru), Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University, building 11, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.